

Лада Зорина

ИЗМЕНА

СПАСИ НАШУ
СЕМЬЮ

Лада Зорина

Измена. Спаси нашу семью

<https://litres.ru/74214238>

Аннотация

— Твоё дело — молчать и слушаться! — бросает муж. — Мой дом — мои правила. — А изменять жене тоже в твои правила входит? — слёзы унижения застилают глаза. Тяжёлая челюсть вмиг каменеет: — Советую привыкать. В мужья мне достался непростой человек. Властный и жёсткий, для которого, как оказалось, брак не исключает измен. Но ведь он спас меня. Меня и моего маленького сына. И я наивно поверила в то, что мы можем быть счастливы вместе...

- властный и brutальный герой - нежная, но стойкая героиня - наглая любовница - сильные эмоции - ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	54
Глава 13	59
Глава 14	64
Глава 15	69
Глава 16	74
Глава 17	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

— Роман Александрович просил не беспокоить, — домоправительница смотрит на меня холодно, с лёгкой брезгливостью. — Вам... или вашему сыну что-нибудь нужно?

— Саше ничего не нужно, — поджилки трясутся, но я вздёргиваю подбородок. — А мне нужно поговорить с м-моим мужем.

— Мало ли что вам нужно? — пожимает плечами тощая дама в форменном сером платье. — Ждите. Ждите, когда освободится.

— Знаете, я ведь вообще-то его жена. Я не обязана ждать.

— Жена! — фыркает экономка. — Ох, вот так довод, ей-богу! Да какая вы ему жена, если он сейчас свою...

Она захлопывает рот. И её привычно невозмутимое выражение лица трескается, ломается. Бледные глаза превращаются в плоски.

То есть вот так. Уже даже особенно и не скрываясь...

Я прикрываю глаза, сглатываю и киваю.

В этом доме меня ненавидят. Нет, даже не так. Мне всячески дают понять, что я здесь никто. Что я должна быть благодарна.

И я благодарна. Только границы приличий тоже соблюдать необходимо.

А иначе никакой брак испытаний на прочность не выдер-

жит.

— Где он? В своём кабинете? В спальне? В библиотеке?

— Понятия не имею, — кривит узкие губы экономка.

Знает, змея. Говорить просто не хочет. А ещё она бесконечно предана своему хозяину. Она за ним в огонь и в воду. Так на ней и женился бы!

— Какая прискорбная некомпетентность, — даю я ей сдачи. — Плохо за домом присматриваете, Зоя Константиновна. Вот я на вас мужу пожелаю.

От такого экономка Астахова даже на время теряется, и я с удовольствием наблюдаю вспыхнувший на впалых щеках румянец.

Вот тебе. За то, что смотришь на нас с сыном, будто на мусор. Будто мы недостойны с твоим нанимателем даже воздухом одним дышать.

Дом у Астахова, конечно, громадный. Но сегодня здесь тихо, и на поиски много времени не уходит.

Как всё-таки хорошо, что его комнаты вдалеке от той, которую определили под детскую Сашке.

Да, он ему, конечно, сын всего лишь приёмный. Но не хватало ещё восьмилетнему мальчишке наблюдать полуголых девиц, выпархивающих из апартаментов его отчима.

Собственно, из-за Сашки всё и заварилось.

Случилось это вчера, но узнала я о вопиющем случае только сейчас.

И мне всё равно, что ради очень важного для меня раз-

говора придётся прервать приятное времяпрепровождение мужа.

Плевать, если честно.

Я до сих пор не могла сообразить, как в одном человеке уживались две ипостаси: благородный спаситель и бессердечное чудовище, которому было абсолютно плевать и на чужие чувства, и на последствия своих безрассудных поступков.

Стучу исключительно для проформы.

Вхожу.

Мой супруг преспокойно натягивает на свои широченные плечи рубашку, а рыжеватая брюнетка, сидя на краю смятой постели, поправляет роскошный кружевной бюстгальтер и щурится от удовольствия.

Меня обдаёт жаром.

Муж оборачивается, и наши взгляды встречаются.

— К-как это понимать?

На его жёсткое, словно из камня высеченное лицо набегает тень.

— Никак. Выйди.

Перед глазами тут же встаёт ухмыляющееся змеиное лицо его экономки. Уж она бы такому ответу своего ненаглядного хозяина только порадовалась.

— Роман, мы ведь... мы с тобой договаривались. З-зачем ты заставляешь меня проходить через этого позор?

— Лиза, выйди отсюда. Позже поговорим.

— Слово-то какое... «позо-о-ор», — тянет брюнетка с откровенной брезгливостью, будто один мой вид на пороге спальни её оскорбляет. Тем не менее она совершенно не стесняется своего вида.

Потому что стесняться ей нечего. Тут только хвастаться — природа ничем не обделила, кроме характера. Он у любовницы моего мужа змеиный.

Внутри всё трясётся, но я не намерена убегать:

— Никуда я не выйду.

Роман бросает злой взгляд на брюнетку.

— Инга, я позже тебя наберу.

Намёк она, конечно же, понимает, но всё-таки кривит губы.

— А я-то почему должна уходить?

— Я сейчас вас обоих отсюда вышвырну! — рычит Астасов. — Какого чёрта я вынужден повторять?

Инга корчит гримаску, подхватывает с пола блузку и выходит, на пороге намеренно толкнув меня плечом.

Когда она скрылась за дверью, которую даже не потрудились за собой затворить, муж наконец обратил всё внимание на меня.

— Довольна? Теперь всё по правилам?

— А разве ты будешь к ним прислушиваться? — дрогнувшим голосом интересуюсь я.

— Очень верный вопрос. Я бы сказал, риторический. Потому что это исключительно твоё дело — молчать и слушать-

сы! — приказывает муж. — Мой дом — *мои* правила.

— А изменять жене тоже у тебя в правилах? — слёзы унижения застилают глаза.

Тяжёлая челюсть вмиг каменеет:

— Советую привыкать.

— Н-не собираюсь.

В штормовом взгляде мелькает искреннее удивление.

— Нет? — и спустя мгновение. — Хорошо. Тогда закрой двери.

— З-зачем?

— Закрой двери, — цедит супруг. — Сейчас же.

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/xQyc>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы рас-

стались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения.
Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные
отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Закрой двери, — цедит супруг. — Сейчас же.

Я вижу мрачный огонёк в его серо-зелёных глазах. Вижу, как напрягается тяжёлая челюсть.

Хотела бы я уметь игнорировать эти явные знаки. Но я не умела. Не могла. Слишком многое в этом браке стояло для нас на кону.

Медленно развернулась и прикрыла за собой тяжёлую дубовую дверь.

Дверной замок мягко щёлкнул, а мою шею обожгло чужое дыхание.

Я успела лишь вздрогнуть — от испуга и неожиданности.

Хотела что-то сказать, но так резко втянула воздух, что в горле стало тесно.

Крепкие руки развернули меня обратно, и мы оказались лицом к лицу.

Я старалась не встречаться с Атаховым взглядом.

— Кажется, между нами остаются крупные недоговорённости, — понижает он голос. И сейчас я не могу разобрать, чего в этом голосе больше — вкрадчивости или угрозы.

То и другое работают почти одинаково. По телу пробегает мощный разряд, но я стискиваю зубы. Я не позволю ему пользоваться своими трюками. На меня это больше никогда не сработает.

— Не думаю, что дело в них, — упираю взгляд куда-то вниз. — Дело в том, что ты позволяешь себе недопустимое.

— Как интересно, — тянет супруг. — Давай-ка я тебе, Елизавета, напомним. У меня есть потребности. Я живой человек с определённым набором желаний. В отличие от тебя.

Эти слова, выверенные и намеренные, лупят наотмашь. В самое уязвимое и болезненное.

И теперь я уже точно взгляда поднять не могу. Он тяжелеет от непролитых слёз. От унижения. И от груза беспощадного понимания — Астахов не кривит душой. Он говорит правду.

— И так уж выходит, что мои желания куда обширнее того, что ты можешь мне дать, — продолжает он, даже не подумав дать мне передышку. — Темпераменты у нас, как оказалось, всё-таки различаются. Это ты понимаешь?

— Мы в браке, — шепчу. — И я надеялась, ты будешь этот факт уважать. Я надеялась, ты понимаешь, как это важно...

— О, поверь мне, я понимаю, — перебивает он всё тем же тоном. — Если бы не понимал, ты и твой сын не жили бы под одной со мной крышей.

— И с целым выводком безымянных наложниц, — вскинулась я. — Даже удивляюсь, как твоя фаворитка Инга их терпит!

Муж лишь усмехается моей гневной тираде.

— Что это? — в потемневших глазах мелькает почти искреннее удивление. — Ревность?

Я не собираюсь подыгрывать ему и без того раздутому эго, хочу вырваться из его хватки, но супруг неожиданно прижимает меня к закрытой двери и — в который раз — творит недопустимое.

Горячая мужская ладонь скользит по моему затянутому тонкой тканью домашней юбки бедру. Скользит смело, уверенно, по-хозяйски.

— Лиза, — шепчет он мне почти в самые губы, — запомни. Если ты собираешься брыкаться, это нашей супружеской жизни никак не поможет. Смирись и прими меня таким, какой я есть. Я не изменюсь, и не надеюсь.

Сглатываю и в панике озираюсь.

Умом я понимаю: всё, что Астахов творит, делается намеренно. Мой супруг ничего не делает просто так. И сейчас он хочет мне доказать, что я его захочу даже теперь — даже после того, как застала с этой сволочью Ингой. Что я не побрезгую его захотеть после другой, ненавистной мне женщины!

Ненавижу. Ненавижу его самоуверенность и тягу в который раз доказать мне, что ему позволено всё! Позволено, потому что мне придётся стерпеть. Стерпеть и оставить его поведение безнаказанным. Из-за сына.

Потому что я... бог со мной. Но из-за желания прекратить череду его безобразных измен я не поставлю под удар собственного ребёнка.

— Если т-ты думаешь, что я захочу спать с тобой после того, как ты со своей Ингой тут к-кувыркался...

Хватаю ртом воздух, когда его рука слегка сжимает моё бедро.

— Брезгуешь? — усмехается.

— Больше, чем можешь себе представить! — сталкиваю его тяжёлую ладонь с бедра.

Он не противится, но и не отпускает.

— Временное явление, — хмыкает он. — Долго ты без меня не протянешь, не строй из себя снежную королеву. Побрыкаешься и вернёшься в супружескую постель, как послушной жене и положено.

Я молчу. Позорно молчу. Потому что мой честный ответ позволит Астахову ещё острее почувствовать свою незамеченность.

Я не могу этого допустить. В этом браке мне тяжело, но без него — будет ещё тяжелее. Тяжелее в тысячу крат.

И никто, никто меня не поймёт. И никто мне не поможет. Кроме моего неверного мужа.

— Ну что ты молчишь? — интересуется муж.

Его палец внезапно поддевает мой подбородок.

Наши взгляды встречаются.

Он требует:

— Смотри на меня, Елизавета. Смотри, пока объясняешь, с чего ты решила, что брак с тобой меня хоть как-то исправит.

Глава 3

— Что за идиотский вопрос? — не сдерживаясь, облизываю пересохшие губы.

Меня нервирует эта вынужденная близость. Но не по той причине, на которую рассчитывает супруг.

Порой я просто боюсь этого человека. Он мрачен, порывист и неуправляем. Он никому не позволит ни диктовать себе правила, ни выдвигать требования, ни уж тем более собой управлять.

Роман Астахов — хозяин жизни. Своей как минимум. А если понадобится, он и в чужих жизнях нужный ему порядок готов навести. Попадаешь в его мир — готовься к последствиям его самодурства.

Но у меня не было выбора. Я знала, на что соглашалась. И он это знал. Не хуже меня.

— Идиотские вопросы задают идиоты, — рыкнул супруг.
— Я, по твоему мнению, идиот?

Я мотнула головой.

А он прошёлся задумчивым взглядом по моему горящему лицу и неожиданно выдал:

— А вот мне временами кажется, что если и не идиот, то всё-таки недалёкий.

— Ч-что ты имеешь в виду?

— Возможно, продешевил, когда мы брачный контракт

составляли.

Я сглотнула, надеясь незаметно от него отстраниться. Завершить разговор, принявший опасный, выгодный ему оборот.

Но мой муж не любил тайных манёвров. Поэтому согнул указательный палец под моим подбородком, а большой палец лёг у меня под нижней губой — теперь он надёжно держал меня в своей хватке и требовала продолжения.

— Чёрт с ним. Сделанного не переиграешь. Имеем то, что имеем, госпожа Астахова, верно? Ты не ответила на мой вопрос.

— Зачем ты меня провоцируешь? Ты... ты считаешь, я не имею права требовать от тебя пристойного поведения?

— Почему же, очень даже имеешь. Мы ведь супруги. Но я пришёл в этот брак, как бы это правильнее выразиться, сверху. Ты... как бы это корректней сказать...

— Хочешь сказать, я снизу к тебе приползла, — дёрнулась я в его хватке.

Но вырваться всё равно бы не вышло. И мои безуспешные потуги лишь вызвали на его чётко очерченных губах понимающую улыбку.

— Злишься на меня, а стоило бы злиться на обстоятельства. Елизавета, могу я напомнить, что к браку я тебя не склонял? Не тащил тебя в ЗАГС за твою роскошную гриву, не собирал у ворот храма толпу жадных шакалов от светской хроники. Ты пошла на это сама. По своей доброй воле. Так

что же тебя не устраивает в супружестве?

— Может, то, что для тебя это и не супружество вовсе? — прошипела я. — Сейчас светская хроника тебя не волнует. Таскаешь в дом своих потаскушек и не думаешь, что молва об этом разнесётся со скоростью лесного пожара, и...

— И почему это чужая молва тебя вдруг так взволновала? — допытывается супруг. — Тебя, Елизавета, что в этом браке перестало устраивать? Не чужих и посторонних. Конкретно тебя!

Он встряхивает меня, и я не выдерживаю:

— Меня не устраивает то, что своими изменами ты меня унижаешь! В грязь втоптываешь! Да ещё и твердишь, что я должна быть тебе благодарна! Это ты слышать хотел?

Дышу тяжело, едва не надсадно. Не думала, что это так сложно — признать свою несостоятельность в браке. Несостоятельность этого брака как такового. А что ещё хуже — невозможность выпутаться из него с достоинством и без унижений, оставив Астахова на милость целой армии успевших перебивать тут девиц.

— Это? — переспрашивает Астахов и продолжает рассматривать моё лицо. — Нет. Я хотел слышать не это. Но я уважаю твою честность, любимая.

— Н-не называй меня так, — вздрагиваю от последнего слова, как от пощёчины. — Здесь нет никого, перед кем тебе стоило бы притворяться.

Астахов сардонически хмыкает.

— Не хочу дарить тебе лишних поводов для беспокойства.

— Это не повод для твоей искромётной иронии, Астахов.

— Люблю, когда ты показываешь свои острые зубки, — поддевает он, будто у нас не ссора на почве его очередного загула, а шуточный, ни к чему не обязывающий спор.

— Я не вижу в нашей ситуации никаких поводов для шуток.

— Если в нашей с тобой ситуации ещё и не шутить, — он склоняется ко мне ближе и едва не шепчет на ухо, — то недолго и умом, моя сладкая, тронуться.

Меня передёргивает от «сладкой», но я знаю, я помню — Астахов ничего не говорит и не делает просто так.

Явилась в логово хищника — не жди пощады, не ищи понимания.

Поэтому всё, что мне остаётся, наступить на горло собственной панике, засунуть поглубже бунтовавшую гордость и попытаться в который раз договориться.

— Я н-не требую от тебя невозможного. Разве не так?

Он ловит мой взгляд и усмехается:

— Ты и не стала бы. Ты променяла свою прошлую жизнь на комфорт и безопасность. Верный муж в качестве бонуса, насколько я помню, не прилагался. Разве в нашем брачном контракте был такой пункт?

Я сглотнула, обмирая от такого цинизма. Не доставляй ему удовольствия, Лиза. Не позволяй ему видеть твои слёзы.

Помни о сыне, которому не на кого больше надеяться.

Только на мать, которая ради него согласна на всё.

— Не прилагался, — шепчу. — Но раз ты так ставишь вопрос, то всё, о чём я прошу, держи своих наложниц отсюда подальше. Или это условие для тебя тоже невыполнимо?

Супруг снова хватает меня под подбородок, жадно заглядывает в глаза.

Видит там правду, которая заставляет его взгляд потускнеть.

— Отнюдь, — короткое слово звучит как удар. — Твоё слово закон, *дорогая*. С сегодняшнего дня развлекаться буду вне дома. Такое условие тебя, надеюсь, *устроит*?

Глава 4

— С сегодняшнего дня развлекаться я буду вне дома. Такое условие тебя, надеюсь, *устроит*?

Этот взгляд — тяжёлый и пристальный — выжигает во мне гневные искры. А слова, сказанные издевательским тоном, до сих пор звучат в голове. Даже сейчас, когда я, кое-как вырвавшись из его требовательной хватки, мчусь подальше от комнат хозяина.

Но мимо его проклятой домоправительницы промчатся, к сожалению, не могу.

— Ну что, поговорили? — она выныривает буквально из угла, как чёртик, выскочивший из табакерки.

Я вздрагиваю и торможу, надеясь только на то, что выгляжу не так, как себя чувствую — растрёпанной и злой, с горящим лицом и глазами.

Нет, серьёзно, эта странная женщина будто меня подкарауливала.

Смотрю на неё ошарашенно, но уже начинаю подозревать, что она всё-таки не просто так толчётся поблизости.

Не удивлюсь, если окажется, что экономка Астахова всерьёз за мною шпионит. За мной и за Сашкой.

А ну как начнёт пропадать фамильное серебро!

— Не ваше дело, Зоя Константиновна, — старательно делаю вид, что своим внезапным появлением она меня совсем

не испугала. — Занимайтесь тем, за что вам платят.

Он вспыхивает, но вовремя поджимает узкие губы. Предлагаю, что за слова сейчас вертятся у на её языке.

— Ошибаетесь, — цедит ехидно. — Очень даже моё. В этом доме вы ненадолго. Что бы вы там себе ни воображали. И не надейтесь, что ваш брак с Романом Санычем — это навсегда. Вы ему не подходите. Вы его не достойны.

Я всё-таки не смогла сдержаться и тихонечко фыркнула, в который раз поражаясь её бесцеремонности. Но своим поведением она сама развязывала мне руки.

Я окинула взглядом её костлявую фигуру, затянутую в строгую форму, и как ни в чём ни бывало поинтересовалась:

— А вы почему так в этом уверены? Или, вернее, почему вы этого исхода так жаждете, Зоя Константиновна? Вот у меня есть теория. Мне кажется, я поняла, почему.

В ответ на мою наживку она лишь выше вздёрнула свой неестественно острый подбородок. И я удовлетворила её любопытство:

— Я почти уверена, вы так яростно со мной воюете, потому что ждёте, когда ваш наниматель наконец-то обратит внимание и на вас. Признавайтесь, ревнуете? Мечтаете, что Астахов когда-нибудь *вас* под венец позовёт?

Бедная Зоя Константиновна даже вздрогнула от негодования. Обычно бледное лицо пошло розовыми пятнами. Я могла гордиться собой и отпраздновать временную победу.

Можно было даже не сомневаться — она отойдёт и обя-

зательно мне оплатит.

Но не сегодня. И не сейчас.

Поэтому я оставила экономку с немой яростью пялиться мне вслед. Мне некогда было вести с ней долгие баталии — мне нужно было увидеться с сыном.

— Ты как? — я заглянула в учебную комнату, где Сашка занимался в будние дни с репетиторами.

Обычное школьное детство моему ребёнку было сейчас недоступно. Он, может быть, по нему и скучал, но виду не подавал. Боялся и не хотел меня расстраивать.

— Привет! — улыбнулся он, оторвавшись от тетради. — У меня перерыв.

Я взглянула на тоненькие наручные часы, доставшиеся мне от бабушки, и кивнула.

— Вот я и надеялась тебя застать, пока ты отдыхаешь. Как успехи?

— Меня похвалили за почерк, — Сашка приподнял край тетради. — И за чтение тоже.

— Умница, — улыбнулась я.

— Стараюсь, — пожал плечами Сашка. — Ма?

— М?

— А ты моему... ты Роману Александровичу про мои успехи рассказываешь?

Слово «отчим» для него было чужим и непонятным, а папой он называть Романа пока не спешил. И неудивительно, но вовсе не потому что Астахов держался от пасынка в сто-

роне. Нет, с Сашкой они довольно сносно общались. Просто Астахов внушал ему едва ли не трепет.

Гадая, что натолкнуло сына на этот вопрос, я кивнула:

— Рассказываю. Когда мы обсуждали твоё дальнейшее обучение, то сошлись на том, что индивидуальное обучение даёт тебе больше. А почему спрашиваешь?

Сашка вернулся к своему занятию, и поначалу мне даже показалось, не расслышал вопрос.

Но потом я увидела, как его плечики поднялись и опустились, будто он не сразу придумал, как объяснить своё любопытство.

— Да просто... ну, я вот думаю, раз я веду себя хорошо и учусь хорошо тоже, он же нас с тобой никуда не выгонит?

Сын оторвался от тетради и взглянул на меня, очевидно, надеясь прочесть ответ у меня на лице.

— Саш, да с чего ты это взял?.. — пробормотала я ошарашенно.

— Ну а зачем ему двоечник? — Сашка нахмурился. — Вот помнишь, как меня папка ругал? И как ремнём хотел отлупить за учёбу. Я к папке назад не хочу. Я надеюсь, Роман Александрович нас не бросит... И дяде Лёше этому бешеному нас не отдаст. Ведь не отдаст же?..

Глава 5

— Представляешь? Он до сих пор и Алексея помнит, и папашку своего проклятого...

Не могу сдержать слёз. Почти реву в трубку, прикрывая лицо рукой.

Как-то всё в один миг навалилось.

Тамара слушает, не перебивая. С Тамарой мы знакомы давно, ещё с тех самых пор как месте практику проходили в одной из средних школ. Потом вместе преподавали язык и литературу. А потом я вышла замуж, ушла в декрет и случилось то, что случилось.

Но Тамара со мной связь не рвала и как умела поддерживала. Даже когда все остальные от меня отвернулись. Им было не до того, чтобы в ситуации разбираться.

Поэтому сейчас, когда стало невозможно, я могла позвонить только ей. С родней я не общалась с тех пор, как сбежала от бывшего мужа. Мой нынешний брак они проигнорировали. Разве что мать презрительно бросила, мол, и этот тоже окажется сволочью.

Тогда я бросила трубку, зарекшись больше ей не звонить. Сейчас... я была почти готова с ней согласиться.

Может, мне на роду написано только всяких сволочей в свою жизнь привлекать? Может, это со мной что-то не так? Может, это я неправильная и ущербная?..

— Лиз, ну а чего ты хотела? — голос подружки звучит ровно, но я знаю, что она тоже переживает. — В конце концов Сашка тогда был уже достаточно взрослый, чтобы видеть, слышать и понимать. А Кирилл же... у него же не было тормозов. Думаешь, он смог бы забыть, как его родной отец у него на глазах мать ремнём отходил?

Страшные воспоминания врываются в настоящее, и я на секунду прикрываю глаза, приказывая себе в них не проваливаться.

Наверное, мне стоит быть благодарной Астахову хотя бы за то, что невзирая на все свои недостатки, он ни разу не позволил себе на меня руку поднять.

— А с Алексеем что? — интересуется Тома.

Я перевела дыхание и отёрла мокрые щёки.

— Он его бешеным называет, — мой голос соскальзывает на шёпот. — Он боится, что Астахов тоже нас выгонит, и нам придётся вернуться к старшему Демидову.

— Господи... — выдохнула Тамара.

Когда Кирилла арестовали, его старший брат Алексей вызвался нас приютить и пообещал нам защиту.

Знала бы я тогда, испуганная и шокированная происшедшим, что его предложение — не более чем ловушка. В тот момент я бы куда угодно, наверное, подалась, только бы оказаться подальше от разгоревшегося скандала вокруг задержанного по подозрению в коррупции мужа.

Мужа, который, по всему выходило, был не только домаш-

ним тираном, но ещё и нечистым на руку предпринимателем.

Мы всего месяц прожили у Алексея, когда он решил, что настало мне время расплатиться за его гостеприимство. А когда я посмела упираться, он пригрозил, что вышвырнет нас на улицу и заберёт у нас те крохи, что остались после того, как на имущество наложили арест.

Моя родня в свою очередь посчитала, что и я замешана в тёмных делишках супруга.

Вот так мы с Сашкой оказались никому не нужны.

Кроме Астахова. Нашего благородного и щедрого спасителя.

Спасителя, который тоже оказался не тем, кем казался на первый взгляд.

— Лиз, а с чего он взял, что Роман вас погонит? У вас... у вас с мужем какие-то неурядицы?

Да. И у них даже имя есть. Но я пока не готова плакаться об этом даже Тамаре.

В нашей с Астаховым личной жизни всё слишком непросто. До того непросто, что мне даже подруге своей лучшей пришлось бы многое объяснять.

— У нас... мы с Романом не всегда находим общий язык. Это... сложно. Разница в социальном статусе и... знаешь, многое сказывается.

Тамара не стала настаивать на разъяснениях, но решила напомнить:

— Послушай, Лиза, когда он делал тебе предложение, я просила тебя подумать как следует. Но не потому что считала Астахова мутным типом и боялась повторения истории с этим твоим Демидовым. А вот именно потому.

— Мир состоятельных людей, — шепнула я. — Помню. И помню, что ты сказала: «Он слишком хорош, чтобы быть настоящим».

На мою иронию подруга фыркнула:

— Ну, слушай, спорить со мной по этому пункту ты явно не станешь. Внешность у мужика — вынос мозга. Но такие обычно знают цену себе. И знают, как влияют на женщин.

Я тихонько прочистила горло, не вовремя вспомнив подробности нашего с Астаховым спора. И его горячую ладонь на своём бедре.

И оттого вlepить ему звонкую пощёчину захотелось ещё сильнее, чем прежде.

— Так вот, Лиза, я это всё к чему... — неожиданно продолжила Тома. — Да, с Астаховым, я уверена, тебе тоже живётся непросто. Свои проблемы есть в каждой семье, и неважно, какой это брак — первый или десятый. Но всегда есть с чем сравнивать. Верно?

Я закусила губу, уже ощущая, как под моим собственным сапогом стискивается моя собственная гордость.

— Верно, Том. Но, поверь, Роман — далеко не подарок.

— Боюсь, — огорошила меня подруга. — Тебе придётся всё-таки научиться как-то мириться с этим своим неподар-

ком.

— Том, ты это о чём? Ты мне что-то не договариваешь?

Вздых, донёсшийся из трубки, заставил меня поёжиться от внезапно накатившей тревоги:

— Вот как раз собираюсь договорить... Лиза, мне жаль, что именно я приношу тебе эти вести. Но Кирилла, кажется, в ближайшее время освобождают. Я не знаю, общался он с Алексеем или нет. не знаю, кто поспособствовал его освобождению, но... не смей даже головы поднимать. И молись на своего Астахова. Боюсь, только он тебя сейчас и спасёт.

Глава 6

— Да ладно... — Роман открывает документ и пробегает глазами короткую сопроводительную записку. — Тот самый Демидов?

Он даже рад отвлечься на что-нибудь кроме работы, когда помощник скидывает ему в сообщения информацию от источника в области.

Спустя пару минут он уже стучится к начальству в кабинет и застывает нерешительно на пороге.

— Роман Александрович, информация проверенная.

— Ага, — он не отрывается от документа. — Вижу фамилию. Свиридова мне разыщи.

Помощник кивает и пулей вылетает за двери.

Он успевает допить свой утренний кофе и разобраться со списком первостепенных задач, когда его советник и консультант по внешним коммуникациям заглядывает в кабинет.

— Утро доброе. Ознакомился? — он показывает Свиридову экран своего телефона.

Тот, нагнувшись над столешницей, прищуривается, читая заголовок, потом выпрямляется и поправляет очки.

— По внутренней почте эту информацию пока не рассылали. Хотите сейчас этот момент обсудить?

— Момент, — хмыкнул Роман, закидывая ручку, кото-

рой делал пометки в планере, обратно в обсидиановый стакан органайзера. — Громкий скандал и его последствия вряд ли втиснутся в это скромное определение.

— Но нас ведь заботит один конкретный аспект этого дела, — проницательно уточняет Игорь Палыч. — Связь Кирилла Демидова с вашей супругой.

Роман откинулся на спинку кресла и посмотрел на Свиридова снизу-вверх.

— Я бы не сказал, что заботит. Скорее интересуется. Мы знаем подробности? Кроме тех, что сообщила нам Елизавета?

Свиридов, и без того скупой на жесты и мимику, отделался лишь слегка приподнятыми бровями, обозначая тем самым вежливое удивление:

— А вы с супругой этот вопрос не обсуждали?

— Она не очень-то любит прошлое вспоминать, — проворчал Роман. — А я не настаивал. Мне без разницы, что было до.

Он лукавил. Он, можно сказать, нагло врал. Но не собирався сейчас рыться в поисках причин, по которым врал и лукавил. Всё, в чём он честно мог признаться себе — его действительно не волновало, кем был тот самый Демидов, с которым его жену больше ничего не связывало. Почти ничего. Ничего, кроме ребёнка.

— Мне кажется, Роман Александрович, вы зря этот вопрос из виду упускаете. У Демидова не очень хорошая репу-

тация.

— Вымогателя и взяточника? — хмыкнул Роман. — Да, я в курсе.

Свиридов на его иронию не купился. Поджал узкие губы и придвинул очки выше по переносице.

— Нестабильного. Жестокого. Агрессивного. Я... кгм... я был уверен, вы с Елизаветой Павловной эти подробности её прошлой жизни наверняка обсуждали.

Роман нахмурился.

Она, конечно, упоминала, что её прошлый брак откровенно не задался, ну а по каким причинам, и без того понятно, разве нет? В конце концов он был в курсе, от чего его будущей супруге пришлось искать помощи и защиты.

В душу он к ней не лез. Хотя бы потому что она этого не позволяла. Ему что, нужно было ей пытки устраивать, чтобы вытащить из неё всю неприглядную правду о её прошлом браке?

— Не обсуждали. Видимо, для неё это сильно травмирующие воспоминания.

До кончиков ногтей интеллигентный и сдержанный Свиридов громко фыркнул.

Астахов взглянул на своего советника так, будто у того отросла вторая голова.

— Прошу прощения, Роман Александрович. В вашу личную жизнь я лезть не собираюсь...

— А вот сейчас было смешно, — буркнул Роман. — Хо-

рошая шутка.

— Вы понимаете, о чём я, — строго вклинился Свиридов. — Я *не лезу* в вашу личную жизнь, если отсутствует опасность для вашего бизнеса.

— Так ближе к истине, — мрачно согласился Астахов. — Что там с нестабильным Демидовым? Ты мне информацию дашь?

— Нет, — огорошил Свиридов. — Нет, не дам, Роман Александрович. За этой информацией обратитесь к супруге.

— Охренеть, — изумленной воззрился он на советника. — А тебя я держу для чего?

— Для того, чтобы открывать вам глаза на то, на что вы их закрываете, — загадочно изрёк Свиридов и покинул его кабинет.

Он нагло пользовался тем, что знал его семью уйму лет и вообразил, что ему позволено больше, чем остальным участникам его рабочей команды.

Хотя, может, так оно и было.

Астахов в задумчивости посмотрел на лежавший на столе телефон.

Твою-то мать, как вовремя.

Вряд ли прямо сейчас его супруга в настроении душу ему изливать. Уж точно не после того скандала, который она ему закатила.

Но её ревность он как-нибудь переживёт.

Поэтому завершив дела в офисе раньше обычного, он ед-

ва успел переступить порог дома, как тут же потребовал от первой попавшейся на глаза горничной.

— Разыщи мне Елизавету Павловну. Пусть через двадцать минут спустится в большую гостиную. Мне нужно срочно с ней поговорить.

Настало время супруге перед ним обнажиться.

Глава 7

— Мероприятие исключительно важное. Его предваряет встреча с инвесторами. В следующем месяце надеемся закрыть с ними сделку. Очень многообещающую сделку.

Он размеренно перечислял супруге вводные, но прекрасно видел, что она не здесь, не с ним. Взгляд рассеянный и отрешённый. Даже смотрит всё чаще куда-то в сторону, будто слушает его вполуха.

— Это званый обед. Людей будет много. И ты почти ни с кем из них не знакома.

Она кивнула — то ли из равнодушия, то ли принимая условия без борьбы.

Наверное, такой должна быть идеальная жена-приложение к успешному мужу. Не жена, а ещё один член его громадного рабочего штата. Очередная помощница, только с приятной «постельной» опцией.

Впрочем, такая опция могла быть у какой угодно из его помощниц. Любая с превеликой радостью согласилась бы. Он знал, о чём говорил. По опыту.

— Не испугаешься? — намеренно поддразнил он.

И добился наконец того, что жена подняла на него осмысленный взгляд.

Он стоял перед ней, подпирая пятой точкой столешницу, и смотрел на неё сверху-вниз. Жена неосознанно пыталась

закрыться от его взгляда, скрестив на груди руки. Но понимала, что это скверно работает.

На его вопрос лишь пожала плечами.

— Переживу.

Ну как скажешь, смелая ты моя.

— Званный ужин надолго вряд ли затянется. Если тебе вдруг наскучит, во второй его половине сможем уйти.

— Надо же, какая щедрость, — пробормотала она.

— Ну, я бы не торопился приписывать мне эдакую добродетельность, — съязвил Роман. — Моя щедрость будет зависеть от твоего поведения.

— А моё поведение — от твоего, — парировала Елизавета, и в её золотистых глазах сверкнула стальная искорка.

Вот она, его дорогая супруга. Показала свои коготки наконец-то.

— Ну вот, — усмехнулся он. — А я уже начал переживать, что ты слишком сговорчива.

На секунду в её вспыхнувшем взгляде мелькнуло волнение, но в следующее же мгновение она вернулась к тому своему состоянию, в котором пребывала, переступив порог гостиной, куда он позвал её для разговора.

— О моём публичном образе можешь не беспокоиться, — отозвалась она. — Никаких выходов на людях я себе не позволю. При условии, что ты поступишь аналогично.

— Это значит...

— Это значит, что я не желаю видеть на этом меропри-

ятии ни одну из твоих любовниц! — огрызнулась она. — Сколько их там у тебя? Две? Три? Целая дюжина?

Он погасил в себе рефлекторный порыв сказать ей всю правду. А ему было что ей сказать.

Но она отмахнулась бы от этой правды. Она бы её не приняла. А в ответ он наверняка заполучил бы увесистую пощечину.

Вроде бы и посильная плата, но сегодня он не в настроении рисковать.

К тому же у этого разговора имелась другая, совершенно конкретная цель.

— Ни одной на званом ужине ты не увидишь, — с наверняка раздражившим её спокойствием пообещал Роман. — Ни двух, ни трёх, ни даже дюжины. В ответ я ожидаю от тебя исключительного послушания. Мы ведь счастливая пара. Верно, Елизавета?

Она сдержалась от какого-то ответа, наверняка крутившегося на языке. Снова взглянула на него и кивнула.

Сейчас он был почти уверен в том, что точно знал, какие мысли тормозили её от новой ссоры. Но решил на всякий случай убедиться наверняка.

— Замечательно. Порепетируем?

Его вопрос, конечно, застал супругу врасплох.

— Что, извини?..

— Не уверен, что ты готова к завтрашнему торжеству.

Он шагнул к ней, и она не успела от него отстраниться.

Его ладонь легла супруге на талию и почти без сопротивления привлекла её к нему.

— Что ты делаешь? — шепнула она, упёршись ладонями ему в грудь.

— Проверяю, на одной ли мы волне или все твои обещания — просто слова.

И дальше он не тратит времени на разговоры. Потому что момент может быть безнадёжно упущен.

Елизавета Павловна злится. Он это знает и видит гнев в золотистых глазах.

Но его это не смущает. Она его жена и обязана подчиняться. Обязана, если хочет оставаться у него под защитой. Если собирается выполнять все обещания, что дала ему у алтаря.

Его губы скользят по её напряжённым губам. Но всего миг, и они послушно ему поддаются.

Их поцелуй долго не длится, но исключительно потому что он понимает — её податливость продиктована страхом.

Оторвавшись от соблазнительных губ и стараясь ничем не выдавать своего состояния, он решается на провокацию:

— Не верю. Моя супруга так быстро оттаяла, что готова простить мне даже измену?.. Кто же спонсор твоей внезапной покладистости, Елизавета?

И прежде чем она успевает вырваться, обнажив всю правду, он её добивает:

— Дай-ка я угадаю имя этого спонсора. Не твой ли это бывший супруг?

Глава 8

— Дай-ка я угадаю имя этого спонсора. Не твой ли это бывший супруг?

До меня даже не сразу доходит смысл его жестоких слов. Оттого не менее правдивых, но его это не оправдывает. И всё же поначалу я слишком сбита с толку и обескуражена его беспардонным поведением.

Но сейчас вижу, что Астахов только делает вид, что полностью контролирует ситуацию.

Потому что сейчас его взгляд затуманен. Но он мастерски делает вид, что поцелуй нисколько его не возбудил.

Унизительный поцелуй, на который я отвечала.

Потому что должна. А вовсе не потому что от его прикосновения колени слабеют. Нет! Я не поддамся ласкам изменщика. Это всё ради сына. Ради того, чтобы не возвращаться к тому кошмару, в котором мы жили, пока в нашей жизни не появился Астахов...

— Тебе твой цинизм помогает маскироваться? — отстраняюсь, но не вырываюсь.

Пусть не думает, что за мой счёт потешит своё самолюбие, увидев, как он меня ошарашил своим поцелуем.

— Маскироваться?

— Понял, что никакое ёрзанье с пустоголовыми потаскушками не погасит желания, которое могу погасить только

я?

Это риск и риск огромный. С Астаховым нельзя так говорить. Он не терпит чужой самоуверенности.

Но никак не отплатить ему за унижение я не могла. Как ни пыталась держать себя в рамках.

Я понимаю, что попала в цель, когда его хватка на моей талии грубеет, становится требовательной, почти хищной.

— Так у нас с тобой, Елизавета, замкнутый круг?

Он ждёт, когда я пойму прозрачный намёк. Но я делаю вид, что не понимаю.

Его это злит. Взгляд наливается чернотой.

И он, конечно, скор на расправу.

— Я не услышал ответа на свой предыдущий вопрос. Тебе уже известно о том, что Демидова выпускают? Я ни за что не поверю, что ты так легко забыла о моих грехах и позволяешь такое с тобой вытворять от великой любви.

Надеюсь, мой ответный взгляд выдаёт мою ненависть.

— Знаю, — швыряю ему и вот теперь не могу не попытаться отцепить его длинные пальцы от своей талии. — Скажи ещё, что ты оскорблён в лучших чувствах.

Несколько долгих секунд супруг удерживает меня, заставляя поверить, что и не подумает отпустить. Потом усмехается и разжимает свои проклятые пальцы.

Я отступаю, но на этом и всё. Бежать мне некуда — ни сейчас, ни вообще. И Астахов прекрасно всё это понимает. Сейчас я не могу позволить себе швыряться упрёками и об-

винениями. Не могу ставить точку, в открытую заявив о разводе.

Мы важны друг для друга. Мы друг другу нужны.

И с этой печальной истиной пока ничего не поделаешь.

— Оскорблён? — приподнимает брови супруг. — Ну что ты, милая. Я не настолько мелочен. Я просто подумал, может быть, это удачный момент, чтобы ты наконец поделилась со мной всеми подробностями своей прошлой жизни.

Я подавилась воздухом и затрясла головой, даже думать боясь о такой перспективе.

— Я рассказала достаточно. Н-не проси. Ты обещал. Мы же договорились.

— Помню, — отозвался Астахов. — Но кто же знал, что твоё прошлое так быстро всплывёт наружу, потенциально грозя мне репутационными рисками.

Что это значит? О чём он?

Я прищурилась:

— Ты что, вдруг своей репутацией озаботился?

В глазах мужа мелькнул злой огонёк.

— Я предпочитаю нивелировать любые нежелательные последствия от таких новостей. И если ты что-то скрывает и недоговариваешь, то самое время снять камень с души, Елизавета. Мы же не хотим друг другу вредить. А ты, надеюсь, не хочешь снова иметь дело с Демидовым.

— А ты уверен, что Демидов тебе по зубам? — огрызнулась я.

— Хочешь проверить? — он хищно прищурился. — Очень надеюсь, любимая, что у тебя нет чувств к бывшему мужу, иначе... иначе ничего хорошего ни тебя, ни его, боюсь, не ждёт.

И это стало той красной чертой, за которой моё терпение кончилось.

Предположить, что я могла испытывать к Демидову хоть что-то, кроме жгучей ненависти и животного страха...

Моя ладонь врезалась в покрытую трёхдневной щетиной щёку. Я втянула в себя воздух от обжигающей боли и, дрожа с ног до головы, прошипела:

— Ты понятия не имеешь, что мне пришлось с ним пережить, ты... ты подонок!

— Но этот подонок — единственный, кто тебя защитит, — процедил супруг сквозь стиснутые зубы. — Помни об этом Елизавета в следующий раз, когда надумаешь закатить мне скандал.

Глава 9

— Скучаете?

Я невольно вздрогнула от смутно знакомого голоса, слишком поглощённая тем, что сверлила взглядом спину мужа.

Сейчас он общался с кем-то из своих знакомых, ненадолго оставив меня в покое.

Вечер был в самом разгаре, и мы старательно изображали счастливую семейную пару, у которой всё хорошо. Удивительно, но подозрений ни у кого вроде бы пока не закралось.

Расслабиться это, правда, не помогало. Смешно сказать, но я чувствовала себя куда увереннее, пока Роман держался рядом и брал на себя инициативу всякий раз, когда кто-нибудь начинал нас расспрашивать о нашем житье-бытье. Если бы не его непринуждённая манера общения, я давно бы уже погорела.

— Просто задумалась, — с лёгкой улыбкой ответила я, обернувшись.

Мне протягивала бокал пухлая дама в элегантном платье слоновой кости. Кажется, я видела её на нашей свадьбе. Среди приглашённых со стороны жениха. Других на нашем бракосочетании не было, кроме моего сына и моей подруги Тамары.

— У вас, Лиза, взгляд бесконечно печальный, — с пугающей пронизательностью заметила дама.

Ирина. Ирина Валерьевна Гранина. Родственница Астахова и владелица одного из крупнейших фермерских хозяйств в регионе. В здешних кругах её почему-то прозвали Купчихой, но безо всякого негатива. Гранину уважали.

— Может, просто уставший? — предложила я чуть более безопасную альтернативу и с благодарностью приняла у неё бокал.

— Это вас так семейная жизнь с моим двоюродным племянником изводит? — беззлобно хмыкнула она.

А я поспешила спрятать взгляд и смущённо пробормотать:

— Ну что вы...

— Я бы вам поверила, если бы не знала Романа, — закатила глаза собеседница. — Годы идут, а он не меняется. Твердолобый, упёртый, сам себе на уме и не признаёт никаких авторитетов. Если что-то задумал, прёт напролом. Скажите, он и в семейной жизни такой?

Господи... вот уж никогда бы не подумала, собираясь сюда в уютной тишине своей гардеробной, что придётся обсуждать с кем-либо мою семейную жизнь с Романом Астаховым...

— Он... бывает напорист. Но мы справляемся.

— Рада слышать, — Гранина пригубила из своего бокала. — Мы-то уж ждём не дождёмся, когда он окончательно остепенится. Но, уверена, не раньше, чем вы решите детей завести.

Я очень не вовремя сделала глоток и едва не подавилась. Кашлянув, извинилась и сделала вид, что подобные рассуждения в комментарии не нужны.

— Уж вы скажите ему, Лиза, чтобы он не фланировал. Он же вас в конце концов не для украшения замуж взял, а то для него и семья — очередная графа в списке обязательных дел. Выполнил, галочку поставил — и до свиданья.

Внутри у меня от этих слов похолодело.

Я скосила взгляд на Гранину, пытаюсь понять, она сказала это вскользь, просто чтобы дежурно пожаловаться на родственника и разговор поддержать или уже пора бить тревогу?

Но уважаемая Купчиха выглядела так, будто мне вызов бросала — поди угадай.

— Роман — деловой человек, — пробормотала я, опасаясь, что моё молчание будет истолковано неверно. — Но это не значит... что он не уделяет внимания нам с Сашей.

— Это хорошо, — кивнула она. — Хорошо. Особенно для ребёнка. Саша уже называет его отцом или... как он вообще относится к отчиму?

Нет, я совершенно не ожидала что придётся попасть на допрос:

— Он... мы его не торопим, — дипломатично обогнула я острый угол. — У Саши очень... очень сложные отношения с родным отцом. Очень тяжёлые воспоминания.

— Вы к психологу не думали обратиться? Средства-то есть. У Астахова средств на целую армию психологов хватит.

— Мы... обсуждали этот вопрос.

— Не затягивайте с этим, — повелела Гранина. — А я в ближайшее время вас навещу. Очень хочу поближе с ним пообщаться.

Я не могла бы никак ей возразить. Тут оставалось полагаться только на авторитет мужа. Но нужно отдать ему должное — он ещё перед свадьбой меня предупредил, что отдельные его родственники достаточно бесцеремонны, чтобы не замечать ничьих личных границ.

Мне ещё только предстояло выработать тут свою тактику. Пока я лишь наблюдала.

— И раз уж вы, Лиза, упомянули, — мастерски притворившись, что эта мысль пришла ей в голову только сейчас, Ирина Валерьевна посмотрела на меня в упор и не мигая. — Это правда, что ваш бывший супруг на свободу выходит?

Мои пальцы конвульсивно стиснули тонкую ножку бокала, да так, что тот покачнулся в руке.

— О чём воркуете?

Голос мужа вывел меня из ступора, и впервые за этот вечер я была рада его появлению...

Глава 10

— О чём воркуете?

Он намеренно дождался момента, когда женщины включились в диалог настолько, что его не замечали.

Они — нет. А ему полезно было понаблюдать, как его многочисленная родня принимает его супругу.

После свадьбы они не спешили устраивать гастрели по родственникам и сами званых ужинов для укрепления связей закатывать не собирались.

Елизавету пугала подобная перспектива. Помнится, она тактично отбрыкивалась от этой идеи, пошутив, что замуж за него выходила, а не за его докучливую родню.

Но тут... как сказать.

Она и не за прессу, конечно же, выходила. И не за его деловых партнёров. Не за тех, кому его статус одинокого холостяка, прожигающего кровно заработанное состояние, по ночам спать не давал.

Не за всех тех, кто мозг ему выносил разговорами о том, что пора остепениться. И не за тех, кто их свадьбу разглядывал под микроскопом.

Не за всё это она выходила, конечно.

А в итоге... в итоге прямо сейчас Купчиха наверняка втирала его супруге что-нибудь о детишках и будущем.

И это тогда, когда мысли его благоверной наверняка бы-

ли заняты её внезапно обозначившимся на горизонте крупно проштрафившимся бывшим.

От одной только мысли об этом Демидове его костяшки так и зачесались.

Рано или поздно он вытащит из Елизаветы все подробности её предыдущего брака. Если до того момента она его не прикончит за то, что он позволил себе неподобающий способ расслабиться.

Неподобающий — по её строгим меркам.

— А вот и Ромушка появился, — расплылась в улыбке Гранина.

Он решил сделать вид, что не заметил нервного взгляда супруги и не расслышал намеренно уменьшительно-ласкательного прозвища, которым его одарила тётка.

Она знала, как он ненавидел, когда она коверкала его имя.

— А мы как раз о тебе говорили.

Он приподнял бровь и взглянул на жену.

Что, совсем отчаялась? Нажаловалась тётке на его измены?

Но это вряд ли. Тогда Гранина бы ему не улыбалась.

— Боюсь спросить, о чём шёл разговор.

— О жизни вашей семейной. О чём же ещё?

Началось.

— Ирина Валерьевна, сжальтесь, — хмыкнул он. — Оставьте нам нашу семейную жизнь. От чужих семейных жизнью она ничем особенным не отличается.

Боковым зрением он уловил брошенный в его сторону взгляд. Можно было только представить, чем бы ему возразила супруга. Если бы осмелилась в открытую возразить.

— Не соглашусь, — Ирина Валерьевна не сопротивлялась, когда он взял её под руку и повёл прочь от жены. — Вы с Лизой сейчас у всех на виду. О вас говорят, Ромушка.

— Что о нас говорят?

— Пока — только хорошее.

— Это предупреждение или угроза?

— Это факт. Но жизнь — штука непредсказуемая.

— Отбросим иносказательность.

Взгляд Граниной тут же сделался цепким.

— Не замечаю радости на лице твоей супружницы, Рома.

Он нахмурился. Не могли слухи об их скандале из-за Инги так быстро распространиться. Его прислуга ни за что не проболталась бы.

— Может быть, потому что радоваться сейчас особенно нечему.

Тётка смирила его взглядом, в котором продолжала тлеть подозрительность. Потом всё же кивнула, поджав аккуратно подведённые губы.

— Так она об освобождении Демидова переживает?

— А вам, значит, это уже известно?

— За кого ты меня держись? — скривилась она. — Я всегда держу руку на пульсе. Роман, я ещё перед свадьбой тебе говорила — ты мог бы любую в жёны себе поманить. И

любая бы согласилась. Но ты выбрал самую... проблемную барышню.

— Что значит, выбрал? — стиснул он зубы. — Ирина Валерьевна, вы что-нибудь о чувствах слышали?

Она бросила на него недоверчивый взгляд, словно засомневалась, что он спрашивал от чистого сердца, а потом рассмееялась — сухо, почти недобро.

— О чувствах — слыжала, — отсмеявшись, сказала она. — О *твоих* чувствах, племянник, слышу впервые. А с каких это пор ты у нас способен на чувства?

Глава 11

— Чего-нибудь освежающего не желаете?

Я вздрогнула от неожиданности и обернулась, встретившись с благожелательным взглядом официанта.

Он протягивал мне круглый, уставленный бокалами разнос. Я с благодарностью ему кивнула, поставила на разнос опустевший бокал и подхватила с него новый — соблазнительно помутневший от прохладной «испарины».

— Благодарю.

Официант улыбнулся мне и, юркнув мимо, ловко вклинился в гомонившую толпу, совершенно не опасаясь за свою хрупкую ношу.

Я с тоской смотрела вслед мужу, отводившему в сторону свою раздражающе пронизательную родственницу.

Меня пугал этот необъяснимый энтузиазм и живая заинтересованность его родственников и многочисленных знакомых в нашей семейной жизни.

После нашей с Романом свадьбы я будто погрузилась в густую атмосферу напряжённого ожидания. Почему-то прежде я искренне полагала, что дело во мне. В окружении Астахова нашлось немало тех, кто не скрывал недоумения, вызванного его выбором.

Я старалась не обращать внимания на причуды состоятельных хозяев жизни. Они в принципе многое себе позво-

ляли без оглядки на мнение тех, кого считали ниже себя. А я как раз входила в число тех, кто до статуса супруга, мягко говоря, не дотягивал. Да ещё и это пятно на репутации в виде первого брака с Демидовым...

Но прошло время, и в мои мысли закрадывались подозрения. Кажется, все ждали вовсе не того, что я как-нибудь опозорюсь. Нет, все ждали чего-то от нас обоих, и это нервировало не только меня, но и супруга, который словно в отместку за эти общие ожидания пустился во все тяжкие, включая ту безобразную сцену, которую я застала несколько дней назад.

Романа это никак не оправдывало, но хотя бы частично могло объяснить его вечное раздражение, наши ссоры и общую разочарованность этим браком, из которого никто из нас выхода пока не находил.

Я — потому что до чёртиков боялась Демидова, который обещал до нас с сыном когда-нибудь дотянуться. Астахов — потому что его репутация отчаянного гуляки начинала очень сильно мешать его бизнесу. Так сильно, что партнёры подумывали ставить вопрос ребром. Но наша встреча всё изменила. Потушить поползшие шепотки о его неблагонадёжности быстро и эффективно помогла громкая свадьба и фасад счастливого брака. Всё, теперь Астахов — солидный, уважаемый семьянин, пригревший чужого ребёнка. Душка, а не человек.

Я отпила из бокала и одёрнула себя, напоминая. Всё-таки

он нас спас. Поэтому я не имею права спускать на него всех собак.

Просто, наверное, нам не стоило так торопиться со свадьбой. Неплохо было бы лучше узнать человека, с которым вступаешь в брак...

Но меня гнал страх, а Романа — необходимость.

И вот чем спешка для нас обернулась...

Я вспомнила светившийся удовольствием нахальный взгляд Инги и едва сдержала себя от того, чтобы не опрокинуть в себя всё, что оставалось в бокале.

— Какой замечательный вечер! — произнесли рядом с преувеличенным энтузиазмом.

Едва не поперхнувшись, я медленно опустила бокал и скосила взгляд влево.

Рядом со мной отирался какой-то незнакомый мне молодой человек. Он только и ждал, когда я обращу на него внимание, чтобы расплыться в благожелательной улыбке и как бы между прочим поинтересоваться:

— Вы ведь Елизавета Астахова, так?

Интересно, как он себя поведёт, если я заявлю, что он ошибся?..

— А вы? — вместо ответа задала я встречный вопрос, пытаясь до поры заглушить всколыхнувшиеся подозрения.

— А я Андрей Коржин. Из «Вечерней столицы». Очень давно мечтал с вами пообщаться.

— Извините, не могу сказать, что это взаимно.

Господи, только не это. Только не пресса. Именно такой встречи я сегодня больше всего и боялась.

— Я понимаю и... зря вы так, Елизавета Павловна. Я отношусь к вам с большим уважением.

Это утверждение походило на скрытую издёвку, пока он не поспешил добавить.

— Между прочим, я был на открытии реабилитационного центра, который вы курируете.

Мне захотелось прикрыть глаза и застонать.

Финансированием центра занимался мой муж, а меня туда привлекли, когда он уже функционировал. Спасибо стоило сказать пиарщикам Астахова, которые рассудили, что меня нужно поскорее включать в его деятельность.

Я была только рада оказаться полезной. Но вовсе не рада тому, чтобы мне приписывали роли, которых я не заслужила.

Пока, во всяком случае.

Последние пару месяцев я провела за тем, что вникала в работу центра, чтобы оказывать пользу не на публику, а по-настоящему. Выходило пока так себе. Немногие готовы были поверить, что я делаю это не ради рекламы и восстановления репутации собственного мужа.

— Рада, что вам удалось посетить это важное для нас мероприятие, — пробормотала я дежурную фразу. — В сентябре на его территории откроется дополнительная лаборатория и второй административный корпус. Ждём вас на открытии.

Коржин кивнул, принимая моё «щедрое» приглашение.

— Обязательно загляну. Но я не об этом сейчас хотел поговорить, Елизавета Павловна. Я всего лишь хотел взять у вас комментарий по поводу недавней шокирующей новости.

Шокирующей... Всё понятно.

— По поводу выхода на свободу вашего бывшего мужа, коррупционера Кирилла Демидова. Вы ведь наверняка уже слышали, о чём он заявил?

Глава 12

— Заявил? — я не сумела скрыть удивления. — Что заявил? Когда заявил?

Коржин смотрел на меня с вежливым удивлением, будто сдерживаясь о того чтобы не воскликнуть, мол, да как же вы могли такие важные новости пропустить.

Всё ещё стараясь держать лицо, я лихорадочно припоминала, что слышала об этом деле в последний раз.

Да ничего особенного, кроме того, что с тех пор, как я услышала новость от Тома, информация неминуемо просочилась в сеть и СМИ, и её принялись со вкусом обсасывать. Но никаких дополнительных сведений по этой теме до меня не доходило. Уже не говоря о каких-то личных заявлениях.

И кто вообще умудрился получить от него комментарий? Кто позволил ему выступать с какими-либо публичными заявлениями?..

— Выходит, не слышали, — с раздражающим спокойствием резюмировал собеседник. — Надо же... Хотя, с другой стороны, он всё-таки ваш бывший супруг. Вероятно, вам и не слишком-то хочется что-то слышать о нём, но... Заявление в конце концов касалось и вас.

Эти слова, словно камни, врезались мне в самый центр солнечного сплетения. Я судорожно вдохнула, чувствуя, как по телу разливается мертвенный холод.

И сейчас мне было уже не до лица. Не публичная я личность, чтобы мастерски скрывать за ледяным фасадом всё, что творилось внутри. Это к моему нынешнему супругу. Астахов был в этом деле настоящим профессионалом.

— О чём он говорил?

Я впилась взглядом в Коржина. Мне хотелось схватить за грудки этого разносчика дурных новостей и силой вытрясти из него всё, что он знает.

— Не знаю, — неожиданно замялся собеседник. — Может, вам стоило бы послушать его самого? В смысле, запись того, что он сказал. Иначе ну как вы сможете адекватно прокомментировать пересказ? Понимаете...

— Андрей, — перебила я его с несвойственными для меня открыто агрессивными нотками. — Прошу вас, перескажите мне суть его заявления. Уверена, вы замечательно справитесь.

Коржин, к его же собственному благу, бросил ломаться. Чуть ссутулившись и почему-то стараясь не смотреть мне в глаза, он подчинился:

— Демидов заявил, что он собирается вернуться к нормальной жизни и... вернуть в эту свою нормальную жизнь своих жену и ребёнка. Сами понимаете, это не могло не взбодражить общественность. Он же не в пещере всё это время провёл. Он не может не знать, что вы... мягко говоря, несвободны.

Громадная зала, полная разодетых, благоухающих люксо-

выми ароматами гостей, завертелась у меня перед глазами.

Я слышала сказанное. Но уложиться в моей голове оно не могло.

Я была далека от мысли, что этот Коржин как-то неправильно истолковал то, что услышал. Но нереальность происходящего вгрызлась в меня, будто не позволяя мозгу до конца обрабатывать информацию. Сейчас она виделась мне какой-то жуткой иллюзией, которая вот-вот развеется, стоит лишь поднапрячься.

Я запоздало огляделась по сторонам, только сейчас сообразив, как же мне, видимо, повезло, что никто не пристал с расспросами раньше. Или, быть может, Коржин всё-таки душой покривил — он был одним из немногих, до кого так оперативно дошла информация.

— Откуда вам всё это известно? — пробормотала я. — Заявление. Откуда вы о нём знаете?

Коржин приподнял левую руку, которой, как оказалось, всё это время сжимал свой телефон.

— Из сети.

На мелькнувшем экране были — я разглядела — только часы и заставка. Хотя не исключаю, что он в процессе нашей беседы надеялся незаметно нажать кнопку встроенного диктофона, чтобы всё-таки заполучить свой вожаделенный комментарий — так или иначе.

И без того безрадостный вечер начинал превращаться в настоящий кошмар.

— Елизавета Павловна, — после недолгой паузы напомнил он о себе. — Так... я могу рассчитывать на ваш комментарий?

Я попыталась сфокусировать на нём взгляд, но сейчас уже просто нахождение на одном месте начинало казаться мне непосильной задачей. Тело вибрировало и требовало движения — меня тянуло сорваться с места и куда-то бежать.

Точнее не куда-то, а от кого-то.

Мне казалось, Демидов вот-вот ворвётся в эту сияющую залу, разыщет меня и поволочёт туда, в страшное прошлое. А по пути вытащит из тёплой постели своего сына, чтобы снова посадить нас с ним под замок.

— Скажите, Андрей, — умудрилась я сосредоточиться, — если бы я вышла замуж не за Астахова, а за кого-нибудь, о ком вы понятия не имеете, вы бы и тогда ради комментария меня разыскали? Или вы просто надеетесь на максимально громкий заголовок для своего издания?

Я не знала, правильно ли поступаю, грубя репортёру. Я не обучалась правилам публичного поведения. В самом начале нашей семейной жизни я получила от мужа самый базовый инструктаж. И до сих пор этого было достаточно.

До сих пор, пока в мою жизнь не ворвались призраки прошлого.

— Всё, на что я надеюсь, это ваш комментарий, — упорствовал Коржин.

— А мой комментарий вам не подойдёт? — раздался у

меня за спиной насмешливый голос мужа.

Он снова спасал меня. Второй раз за вечер...

Глава 13

— О, Роман Александрович, — в голосе Коржина прорезалось такое неприкрытое обожание, что я, на мгновение позабыв обо всех своих тревогах, взглянула на него с недоумением.

Господи, до чего же тут все перед ним лебезили... Даже пресса, которая не стеснялась его при этом в своих материалах время от времени полоскать. Но будто не для того, чтобы нанести вред его репутации, а скорее чтобы заставить обратить внимание Астахова на себя.

Я до сих пор не понимала, как это работает.

Было в этом внимании к нему что-то ненормальное, болезненное и странное.

И это при том, что у меня собственных странностей в жизни хватало...

— Лиза, чем это таким неприятным тебя пытается этот молодой человек? — с иронией поинтересовался супруг, но я видела стальной отблеск в серо-зелёных глазах.

Близилась буря.

— Да что вы, Роман Александрович! — с преувеличенной громкостью рассмеялся Коржин, и от этого смеха за версту веяло фальшью. — Я всего-то спросил у Елизаветины Павловны, что она думает о недавних событиях...

Упёршийся в него взгляд Астахова заставил проныру Кор-

жина осечься.

— Елизавета Павловна комментарии не даёт.

Коржин кивнул, пробормотал извинение и, сунув телефон в карман брюк, поспешил скрыться в толпе.

Господи, как и мне приобрести эту суперспособность — отшивать всех вокруг с такой впечатляющей лёгкостью и быстротой.

Правда, обрети я подобную силу, сомневаюсь, что даже тогда мне удалось бы избежать расспросов мужа.

— В который раз прихожу на помощь. Скоро это войдёт у меня в привычку, — усмехнулся Астахов. — Вот видишь, Елизавета, я не такой уж и монстр, которым ты меня себе рисуешь.

Я бросила на него тяжёлый взгляд.

— То есть для тебя наша ссора — повод поиронизировать?

Внутри всё сжалось от понимания того, как по-разному мы с ним смотрим на вещи.

— Скажем так, я не склонен превращать наши размолвки в трагедию.

Размолвки. Вот как это, оказывается, называется. В мире богатых мужчин такому пустяку, как измены, большого значения не придавали. Само собой, если изменщиком оказывался супруг.

— То есть, по твоему мнению, ничего эдакого не произошло? Живём дальше и об этом досадном инциденте попро-

сту не вспоминаем?

Астахов выдержал многозначительную паузу.

— А ты хочешь снова об этом поговорить? Я-то думал, нам стоит сосредоточиться на делах поважнее.

— Поважнее? — опешила я, на мгновение оставив в покое мучавшие меня мысли о Демидове. — То есть...

— Да мне стоило бы порадоваться, — перебил меня муж, внезапно склонившись ко мне, и в его голосе вдруг прорезались злые нотки. — В кои-то веки моя супруга уделяет столько времени и внимания мне, а не своим переживаниям о прошлом! Знал бы, что ты так чувствительно отреагируешь на левую девку в моей постели, давно бы тебе изменил!

От такой исповеди я стояла и хватала ртом воздух, ошарашенная и оглушённая.

А мой муж выпрямился и, как ни в чём ни бывало, поинтересовался:

— Так что этот проныра от тебя хотел? О каких событиях речь?

Я наткнулась на его предостерегающий взгляд — не возвращаться к прошлой теме.

А я сейчас смогла бы? Прежде мне нужно было переварить его яростный выпад. Но я не могла позволить себе устраивать сцену. Не хватало ещё лишнее внимание к себе привлекать.

Поэтому отвела взгляд и, скрепив сердце, пробормотала — Уверена, тебе не составит труда догадаться.

Супруг закатил глаза:

— А что такого сенсационного они надеются от тебя получить? Интересуются твоим душевным равновесием в свете освобождения этого твоего Демидова?

Я опалила его уничтожающим взглядом, и Астахов скриivil губы:

— Ты понимаешь, о чём я.

— Это тебя не извиняет.

Его вообще ничто не извиняло. Даже моё чудесное спасение дважды за этот бесконечный вечер.

— Хочешь, чтобы я извинился?

— А ты это умеешь?

— Елизавета, убери иголки, — предупредил муж. — Что конкретно этот хмырь от тебя потребовал? На тебе лица нет.

— Демидов успел сделать заявление, — процедила я сквозь стиснутые зубы.

Я не хотела сейчас к этому возвращаться, но полученная от Коржина информация разъедала меня изнутри. Я не могла молчать, мне нужно хоть с кем-нибудь поделиться, а Тамара сейчас была недоступна, иначе я бы уже забилась в какой-нибудь уголок с телефоном и рыдала бы в трубку, вопрошая, что мне делать.

— Вот как? — поднял брови Астахов.

Потому полезу в карман своих брюк, выудил оттуда телефон и взглянул на него.

— Точно.

— Что? – всполошилась я.

— Мне Сашка, помощник, скинул какую-то запись, — пробормотал он, не отрывая взгляд от экрана.

Его глаза забегали по невидимым мне строчкам. Видимо, помощник прислал ему расшифровку.

— О-о-о-о, — наконец протянул он и взглянул на меня, будто это я выступала автором заявления.

Я молчала, стиснув зубы и кулаки, пока он не пояснил свою реакцию.

— Так тебя расстроило его обещание?

Глава 14

— Так тебя расстроило его обещание?

Я взглянула на мужа, недоумевая, почему вопрос прозвучал так, будто его прочитанное не более чем забавляло.

— А ты мне радоваться прикажешь? — съязвила я, не сдержавшись.

Отступившая было с его появлением паника порывалась вернуться, стоило только вспомнить...

— Он явно не сам всё это провернул, — задумчиво говорил Астахов, продолжая что-то изучать в своём телефоне. — Кому-то этот Демидов понадобился. Кто-то озаботился тем, чтобы вытащить его из-за решётки. Существует ли вероятность, что твой бывший супруг ошибочно обвинён?

Роман бросил на меня вопросительный взгляд, и только в этот самый момент я со всей отчётливостью поняла, как же всё-таки по-разному мы смотрели на ситуацию. И по совершенно понятны причинам.

Астахов мог преспокойно рассуждать о Демидове и обо всём, что окружало то скандальное дело. Для меня же... для меня любое упоминание о том времени и тех событиях было острым ножом, провернутым в толком не затянувшейся ране.

И я сама, сама виновата в том, что мы так по-разному видели ситуацию. Из-за моего нежелания распространяться о

прошлом муж не мог знать, насколько мне сложно было каждый раз в него возвращаться. Особенно в нынешних обстоятельствах.

— Нет, — выдавила я из себя. — Нет, не существует. Кирилл был виновен. Но если тебя вдруг интересует, знала ли я об этом до того, как до него добралось следствие, то нет. В укрывательстве, сопричастности или сообщничестве обвинить меня не получится. Просто позже, когда всё уже вскрылось, Кирилл заявил, что ни о чём не жалеет.

Я содрогнулась, вспоминая перекошенное от ненависти лицо бывшего мужа. Но в воспоминание, надёжно выдёргивая меня из него, очень вовремя вторгся голос Романа.

— Дурочка. Я ни в чём не собирался тебя обвинять.

Я стяхнула с себя неуместные ощущения, которые во мне будил спокойный и уверенный голос супруга. Именно так его голос звучал в день нашей свадьбы, когда он увлёк меня от шумной толпы и, склонившись ко мне, пообещал:

— Со мной тебя никто и никогда не тронет, Елизавета. Никто и никогда тебя не обидит.

И я не могла ему не поверить. Пусть Астахов и мало знал о моей прошлой супружеской жизни, но мой затравленный взгляд и Сашкина радость от обретения нового дома многое должны были сказать. Особенно такому внимательному к деталям человеку, как Астахов.

Если он чего-нибудь не замечал или что-то упускал, то лишь потому что посчитал это недостойным внимания.

Но сейчас, несмотря на расслабленную позу, взгляд Романа оставался внимательным и сосредоточенным.

— Ты же помнишь, что я тебе пообещал в день нашей свадьбы?

Его слова заставили мои глаза распахнуться от шока.

Он что, уже и мысли мои умеет читать?

— Что? — нахмурился он, заметив мою реакцию.

— Н-ничего... Да. Конечно, я помню.

— Так вот с тех пор ничего не изменилось.

— Что, даже другие женщины в твоей постели не ослабили твоего стремления меня защитить? — пробормотала я с деланным равнодушием.

Роман сухо мне усмехнулся, а затем вдруг склонился едва ли не к самому уху, и его горячее дыхание обожгло мой висок:

— Ни в коем случае, Елизавета. Право тебя бесить и разочаровывать отныне имею только я. Ты слышишь меня? Только. Я.

Господи, я когда-нибудь привыкну к его непредсказуемой манере общаться?.. Научусь достойно реагировать на вот такие манёвры?

Отстранившись, я наткнулась на его пристальный взгляд:

— А мы не можем обойтись без споров, ссор и разочарований? Мы разве не можем жить обычной жизнью обычной семьи?

Муж качнул головой и испустил едва заметный вздох при-

творного сожаления:

— Боюсь, Елизавета Павловна, такая блеклая жизнь нам обоим очень быстро наскучит.

— А сына ты в это уравнение не включаешь?

Мощная челюсть тут же напряглась, стоило мне напомнить ему о пасынке.

— Александру в *любом* случае будет обеспечен максимальный комфорт. Даже если завтра мы с тобой разведёмся.

Думаю, Сашка был бы рад это слышать. Особенно после того, как переживал, что отчим посчитает его недостойным всех свалившихся на его голову благ и распрощается с нами обоими.

— Это... очень щедрое заявление с твоей стороны.

— Почему-то я посчитал, что этот вопрос вообще не требует уточнения, но ты не устаёшь меня удивлять.

— Это взаимно, — сверкнула глазами я. — И если что, это тоже не комплимент.

— Разъяснений не требовалось.

Роман осмотрелся, будто только сейчас вспомнил, что мы пререкаемся посреди битком набитого посторонними помещения.

— Мы отдали должное собранию, — его взгляд снова упал на меня, и он приподнял бровь. — Предлагаю возвращаться домой. Если ты конечно не горишь желанием всё же дать кому-нибудь комментарий по поводу освобождения твоего бывшего мужа.

Вот только кто же мог знать, чем закончится этот долгий, выматывающий вечер...

Глава 15

— Мам, я книжку дочитал! — Сашка слетел с главной лестницы и буквально свалился мне в руки, едва не вышибив из меня дух.

Роман задержался в гараже, что-то обсуждая с водителем, и на несколько минут мы с сыном были предоставлены сами себе.

— Александр, это что за новости? — с притворной строгостью спросила я, присаживаясь на корточки. — Ночь-полночь на дворе. А ты по дому носишься, как оглашенный.

Да, это не наша убогонькая квартирka два на два. В этом доме не просто носиться, тут и заблудиться было бы не зазорно.

Сашка положил ладошки мне на плечи, переводя дух.

Представляю, как я сейчас выглядела на корточках в вечернем-то платье. Так и вижу скрежещущую зубами откуда-нибудь из теней Зою Константиновну, мечтавшую прислуживать герцогине, не меньше. По её скромному мнению, Роман Александрович никого ниже в жёны и не заслуживал.

Да, не быть мне великосветской леди, которую родня Астахова мечтала видеть рядом с ним. Думаю, их ожидания разбились вдребезги ещё во время нашей свадьбы.

Но их разочарования — исключительно их проблемы. Не мои.

— Да я уже и зубы почистил, и в постели вообще-то лежал, — принялся оправдываться Сашка. — Говорю же, читал! А потом услышал, как машина к дому подъехала. Ма, я дочитал «Остров сокровищ»!

— Ну и как? Понравилось?

— Очень! — Сашкины глаза горели. — Только я за Джи-ма очень переживал. Думал, он там с этими пиратами и не справится. А он справился!

— Ну вот видишь, он маленький да удаленький. Нужно просто не бояться взглянуть в лицо страхам и верить в себя.

И я будто не столько сыну эту прописную истину напоминала, сколько себе.

— Ну вот я бы так не смог. Я бы слишком испугался, — тихо признался сын.

— Так ты и не сравнивай. Он же какое-то время жил среди пиратов. Он немного успел привыкнуть.

Сашке ли скромничать? Мы с ним не среди пиратов жили, а среди людей куда хуже пиратов. И я ни разу от него ни одного слова жалобы не услышала.

— Жалко только, — задумчиво протянул сын, рассеянно расправляя на моём плече рукав, украшенный вышивкой.

— Кого жалко? Что жалко? — я смахнула с его высокого лба русую прядь.

Сашка вздохнул:

— Да что закончилось всё. Можно, конечно, снова эту историю прочесть, но так я же уже знаю, как там всё будет. И

знаю, чем всё закончится. Переживательности не будет. Вот я б ещё что-нибудь про пиратов прочитал... Только что-нибудь новое.

Я прикусила нижнюю губу, вспоминая.

— А давай я тебе «Одиссею капитана Блада» дам почитать. Уверена, тебе понравится. Я потом ещё и фильм посмотрим.

— Фильм замечательный. Книга — тоже, — раздалось у меня за спиной.

Я вздрогнула и поспешила выпрямиться, одёрнув подол платья и приобняв сына за плечи.

— «Хроники капитана Блада» — тоже, кстати, ничего, — добавил муж, остановившись рядом с нами.

— Добрый вечер, — робко отозвался Сашка.

— Привет, — серо-зелёный взгляд смягчился.

И куда только девался тот язвительно-насмешливый, холодный Астахов, с которым я сегодня общалась весь вечер.

Супруг мельком взглянул на меня и, едва заметно усмехнувшись, спросил у пасынка:

— Не хочешь на выходных в развлекательный парк заглянуть? Тут по соседству. Насколько я знаю, у них и пиратский аттракцион есть.

Сашкины глаза распахнулись во всю ширь. Он запрокинул голову, ловя мой взгляд:

— Мам, можно?..

Я вздохнула. Ну как я могла ему отказать? Как, если всё,

что он знал до этого — жизнь в режиме строгой экономии.

— Ну, если до выходных твоя одержимость пиратами не утихнет...

Сашка бешено замотал головой, заставив меня невольно заулыбаться. А потом взглянул на отчима.

— Спасибо.

— Да не за что, — Роман пожал плечами. — За качество развлечений я, правда, не могу отвечать. Но если тебе не понравится, то у нас ту речка недалеко. Поедем на настоящем корабле покатаемся.

Я метнула на мужа взгляд, но промолчала.

— Ладно, давайте на сегодня завязывать с наполеоновскими планами, — сказала я скорее ему, чем сыну, который выглядел так, будто готовился вот-вот сойти с ума от счастья.

— Марш в кровать. У тебя завтра шесть занятий. Это ты помнишь, капитан Джон Сильвер?

— Мам, да я не Джон Сильвер, ты что? — буркнул Сашка, насупившись. — Я Джим Хокинс же.

Я закатила глаза.

— Сейчас ты скорее Джон Сильвер, надумавший бунтовать против заведённых в этом доме порядков.

— Сейчас Елизавета Павловна сошлёт нас на Тортугу, — муж приподнял брови в комичном ужасе. — Не уверен, что я смогу её одолеть. Беги, Александр.

— Спокойной ночи, — улыбнулся Сашка.

— Спокойной ночи, — улыбнулся в ответ Роман.

— Спокойной ночи, — пробормотала я, глядя вслед помчавшему к лестнице сыну.

Но потом обернулась к супругу и смерила его подозрительным взглядом:

— Не хочешь мне объяснить, чего ты сейчас добиваешься?

Глава 16

— Чего я сейчас добиваюсь? — Роман прищурил глаза. — Ну да, конечно. Я ведь ничего не делаю просто так. Я всегда что-нибудь замышляю.

— Не пытайся сбить меня с толку. И твой пренебрежительный тон тут не поможет. Роман, я знаю, что ты не традишь ни времени, ни энергии ни на что потенциально для тебя бесполезное.

Муж мерял меня взглядом, очевидно, взвешивая сказанное и решая, достойно ли оно искреннего ответа.

— А с каких это пор простые человеческие привязанности считаются для кого-либо бесполезными?

Он не понимал. И, конечно, никогда не смог бы понять, что мы очень по-разному смотрели на подобные вещи. А ещё он не понимал, что даже положительные моменты нашего брака могли стать триггерными для меня.

Я в этом его не винила. Я пыталась не забывать, насколько мы всё-таки разные. И не могла не забыть, как это опасно — позволять своему сыну во второй раз обжечься. Родной отец подвёл его так, что второе предательство — уже от циничного отчима — оставит в его неокрепшей душе как минимум шрам. Как максимум незаживающую рану.

— Простые человеческие привязанности, это, Астахов, не про тебя. Ты всё выгодой меряешь. Выгодой для себя.

— Елизавета, с каких пор ты видишь во мне только помешанную на деньгах скотину?

Я обещала себе не возвращаться к этим болезненным воспоминаниям. Я уговаривала себя, что второй несчастливый брак — всё-таки небо и земля с ужасами моего первого замужества. Но, видимо, не такая уж я и разумная. Не вижу всех выгод своего сегодняшнего положения. Не могу закрыть глаза на «мелкие неудобства».

— Может, с тех самых пор, как ты ясно дал мне понять, что я не больше чем облагодетельствованная твоим вниманием жертва? Когда ты вдруг объявил, что в постели я ничего особенного из себя не представляю и поэтому ты не будешь без надобности меня утруждать? У тебя ведь проблем с заменами нет!

Я знала, как унижительно для меня это звучало. Будто я сама напрашивалась вернуться в супружескую постель.

Но это было не так. Дело было в его отношении к нашему браку. Астахов вёл себя так, будто сделал мне великую милость. Да, он меня спас. Спас меня, спас моего сына, но при этом не упускал возможности напомнить мне о моём месте, при этом самым циничным и мерзким способом.

А когда настроение супруга менялось, и его почему-то вдруг тянуло ко мне, он не видел проблем в том, чтобы упрекнуть меня в отстранённости и холодности. И тут наш порочный круг успешно захлопывался. Не отыскав взаимности у меня, он без проблем находил её на стороне.

И считал, что это оптимально решало все наши проблемы.

А если я бесилась от его бесконечных измен, так это просто потому что я неблагодарная.

— Это намёк...

— Нет! — оборвала я. — Даже не смей предполагать! Я в твою постель уже давно не стремлюсь. Если ты думаешь, что сможешь затягивать меня в этот проходной двор всякий раз, когда вдруг вспоминаешь, что у тебя есть жена, то спасибо, мне такого счастья не надо. И менять в этом отношении я ничего не хочу. Ты ясно дал мне понять, что семейная жизнь тебя не изменит. Извини, что не сразу сообразила, *насколько* послушной женой мне следует быть. Но нужда заставляет, и я научусь. Вот только моего сына в свои схемы не впутывай.

От непривычно долгой тирады я выдохнула последние слова и теперь тяжело дышала, пытаюсь восстановить дыхание. Похвалить я себя могла только за то, что голос мой почти не дрожал.

— Сцена ревности. Ревности и презрения, — протянул Астахов. — А ты не жалеешь красок на моё описание. Будто, как и все остальные вокруг, жаждешь потешить моё непомерное эго. Послушать со стороны, так я не человек, а бессердечное, похотливое чудовище. Да настолько коварное, что даже ребёнка готов к своим планам привлечь.

— С тобой... я ничему бы не удивилась.

— Да неужели, — хмыкнул супруг. — Елизавета, позволь, я напомню, ты недостаточно хорошо меня знаешь.

— И кто виноват? — горько усмехнулась я. — Да у тебя же целая инструкция есть, какие вопросы твоей личной жизни можно обсуждать с тобой, а какие нельзя. Самому не смешно?

Его глаза опасно сверкнули:

— Осторожнее, дорогая. Человек моего статуса вынужден мириться с такими ограничениями. Я не могу распространяться о том, что позже может стать оружием в чужих руках.

— Именно! А это говорит только о том, что ты никогда и ни в чём мне не доверял.

— А ты? Ты мне доверяла? Извини, но не припомню, чтобы ты посвящала меня в детали своей личной жизни с этим своим выскочившим, словно чёрт из табакерки, Демидовым!

— Потому что это слишком больно! — выкрикнула я.

— Вот представь себе, что у меня такая боль тоже в жизни была. Именно из такой боли рождаются монстры. И ты совершенно этого не понимаешь!

Последние слова заставили меня сухо и зло рассмеяться, а потом бросить ему в лицо:

— Не понимаю? Да я понимаю это лучше, чем ты можешь себе вообразить!

Дорогие друзья,

*в ожидании новой главы приглашаю скоротать время за чтением одной из моих завершёнок. На днях вышла финальная глава моей книги «**Предатель. Ты нас (не) вернёшь**».*

Чумамъ: <https://litnet.com/ru/reader/predatel-ty-nas-ne-vernesh-b476084>

Глава 17

— Это очень смелое заявление, Елизавета.

Астахова не впечатляет моя горячность. Видимо, каждый из нас предпочитает верить в собственную правду, не обременив себя попытками разобраться в правде второй половины.

Когда, ещё на заре нашего брака, я сообщила супругу, что не имею никакого желания исповедоваться ему в ужасах своего прошлого, он решил дать мне зеркальный ответ.

— Думаю, иногда это даже на пользу — не посвящать друг друга в хитросплетения прошлого, — сказал он тогда,

Но время шло, и как оказалось, утаивание личных тайн никак не шло на пользу трещавшим по швам брачным узам.

Кто бы мог подумать, что для выживания этой семье потребуется нечто большее, чем любовное соглашение не тревожить призраков прошлого...

— Я не жду твоей оценки. Мне всё равно, что ты об этом думаешь.

Но пока я говорила, меня осенило. Я поняла, для чего Роман так старался наладить отношения с Сашкой.

Господи, да всё же лежит на поверхности. Стоило только поразмыслить над этим, и спрашивать бы не пришлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.